

*Надо так жить и так действовать,
чтобы в грядущих торжествах побе-
ды не чувствовать себя сиротой.*

Э. КАПИЕВ.

Город мой называют воротами Кавказских Минеральных Вод. Воротами наземных и воздушных путей. Как всякие ворота, они имеют почетное назначение: широко раскрываться перед друзьями и преграждать дорогу тем, кто затаил камень на груди. Испокон веков у наших ворот стоят исполинские стражи: слева — гора Кинжал, справа — гора Змейка. В северной части их в крутых глинистых берегах несет свои воды седому Каспию скромная дочь Карачая — Кума.

Много разных сечей видели на своем веку и горные стражи, и тихая река. Земли наших мест обильно политы кровью праведной и кровью недругов. Еще и сейчас у Змейки и Кинжала любознательные находят могильники с останками и доспехами монгольских и иных завоевателей. Особенно памятен день вчерашний. Прильни к земле, и в сердце твоём отзовутся предсмертные стоны тысяч и тысяч загубленных душ. Кровавый след фашистских варваров дымится и сегодня...

Но солнце по-прежнему совершает путь по небосводу. Проходят очистительные дожди времени. Затягиваются и глубокие, и мелкие раны, и только рубцы их напоминают о былом.

Не так давно в нашем городе военный трибунал Северокавказского военного округа под председательством генерал-майора юстиции Нафикова судил изменников Родины Габа, Завадского, Гришана, Науменко, Тарасова и Божко. На скамье подсудимых незримо присутствовали и те, кто был организатором и вдохновителем чудовищных преступлений, чинимых в

Минеральных Водах в дни временной оккупации города немецко-фашистскими захватчиками? Это эсесовские головорезы в офицерских мундирах — Носске, Негеле, Шуберт, Зайберт, Керер, Пельц, Фольк и другие. Они, к сожалению, находятся на свободе, оскверняя память погибших; от сурового суда народов их пытаются спасти боннские милитаристы, цепляясь за так называемый закон «За давностью лет».

За пять месяцев пребывания на Ставрополье каратели расстреляли и уморили в «душегубках» свыше 60000 человек. Глубокий противотанковый ров у бутылочного завода близ Минвод явился последним пристанищем для более чем 10000 человек.

По жестокости, по количеству жертв и методичности убийств это самое чудовищное преступление гитлеровцев на Ставрополье. Они безжалостно расправлялись с коммунистами и патриотами. Уничтожили фашисты и все еврейское население, в большинстве своем эвакуированное в первые месяцы войны из Ленинграда, Одессы, Киева, Крыма. В числе погибших оказались профессора П. И. Эфрусси и Баумгольц, доктора медицинских наук Л. М. Чацкий и М. С. Шварцман, писатель Бергман и другие видные деятели культуры, искусства.

Среди тысяч жертв во рву были расстреляны советские и партийные активисты, железнодорожники Минераловодского узла. В их числе Г. Е. Гончаров, Н. К. Табурченко,

В. И. Табурченко, И. А. Советов, Т. А. Овчинников, П. П. Кукса, М. И. Захаров,

В. Г. Корнышин, Д. И. Шейко и другие.

Изменник Габ, работавший переводчиком в немецкой военной комендатуре Минеральных Вод, на военном трибунале показал, что осенью 1942 года в городе было арестовано двое подростков по подозрению в распространении листовок, но какова дальнейшая судьба ребят, он якобы не знает.

Эти показания и явились одной из строк, собирая которые мы сверстали небольшую повесть. На ее обложке начертано «Юные ленинцы». Между страницами повести несколько закладок. Давайте вместе будем открывать закладки и вчитываться.

ЗАКЛАДКА ПЕРВАЯ

Прощай, детство!

Эти страницы более двадцати лет оставались нераскрытыми. Что на них? Второй год по Советской земле катилась война. А над Минводами было еще безоблачно. И только проходившие станцию искалеченные цистерны да фронтовые письма-треугольники напоминали о человеческой трагедии...

Тимуровцы второй средней школы собирали металлический лом, помогали семьям фронтовиков, готовили и отправляли подарки воинам и проводили незатейливые игры.

Лето 1942 года. От берегов Дона потянуло пороховым дымом. Борис Савицкий, возглавлявший комсомольцев школы, как-то сказал: «Махнули, ребята, на Змейку». И пошли.

На вершине горы Саша Комаринская предложила: «Давайте, как Герцен и Огарев, поклянемся...» Ее поддержал Митя Хворостов: «И что бы ни случилось — вместе!» Так и порешили. А когда возвращались, договорились: после победы всем вместе собраться снова на Змейке. Как ребята сдержали клятву и договоренность, узнаем потом. А сейчас скажем, что спустя два месяца над городом опустилась непроглядная ночь. На долгих пять месяцев! И всю эту ночь горожане боролись за возвращение

солнца. Бок о бок с коммунистами шли вчерашние тимуровцы-комсомольцы. А когда в начале января 1943 года немецко-фашистские захватчики были изгнаны из Минвод, «Комсомольская правда» в номере 151 сообщала:

«Комсомольцы Борис Савицкий и Александра Комаринская, оставшись на оккупированной территории, организовали комсомольско-молодежный партизанский отряд и жестоко мстили проклятому врагу. Юные патриоты наладили регулярный выпуск листовок, призывающих население срывать все мероприятия оккупантов. У колодца возле железнодорожного вокзала и даже у здания коменданта города по утрам собиралось население, чтобы из маленьких листовок с красной звездой вверху, аккуратно приклеенных к стенам и заборам, узнать правду о положении на фронтах, о новых замыслах грабителей и насильников.

Партизанская группа Савицкого уничтожила более 40 телефонных кабелей, связывающих штабы вражеских воинских частей, вывела из строя десятки автомашин и паровозов, истребила немало гитлеровских головорезов.

Бесстрашные патриоты разработали тонкие приемы конспирации, позволяющие им, несмотря на бешеные поиски врага, оставаться неуловимыми».

А было это вот как.

ЗАКЛАДКА ВТОРАЯ

А сумеем?

В начале августа немцы подошли к городу. Оборону Минвод держали учебные подразделения Новочеркасского кавалерийского училища. Бои шли уже у левокумского моста, когда с пятнадцатью учениками своей школы Борис Савицкий ушел в горы. Но соединиться с отступающими не удалось: моторизованные части немцев перекрыли пути на

Нальчик и Орджоникидзе. Группа рассеялась...

Мы знаем имена пятнадцати. А

всех сколько было? Может, сто пятнадцать или тысяча пятьсот пятнадцать?..

Борис возвратился в город.

Первыми, кто откликнулся на предложение Бориса организовать комсомольское подполье, была Шура Комаринская и Маша Овсянникова. Потом присоединились брат и сестра Боровик — Дмитрий и Катя, — Вера Богданова и сестры Клара и Майя Титаренко. Собрались на квартире Титаренко. И здесь Савицкий впервые произнес, известное ученикам только по литературе, слово «подпольщик». И это слово заставило присутствующих подтянуться, сблизиться Друг с другом так, чтобы ощутить дружеское плечо.

—А сумеем? Ведь враг опытен и коварен! — встрепелась Маша.

—Посоветуемся с коммунистами...

В городе осталось немало комсомольцев. Да

рабочие депо запросто не сложат оружие,— убедительно ответил Борис.

Его поддержал Дмитрий Боровик: «Потревожим раз-другой фашистов, и вот увидите, как люди воспрянут»...

18 августа 1942 года. Небольшой садик. Деревья — в истоме. Из туч проклюнулось вечернее солнце, а затем и вылупилось, как пушистый цыпленок. Напротив садика — развалины элеватора «Заготзерно». Подходят «гуляющие парочки», непринужденно обмениваются приветствиями. «Для начала неплохо, — подумал Борис, ощущая на себе пристальные взгляды «парочек».

Заливший макушку Змейки багрянец сотнями ручейков растекается по скалистым ущельям.

— Как назовем организацию? — без предисловий начал Савицкий.— Предлагаю назвать «Юные ленинцы».

— Добро, возражений нет! — за всех ответил Дмитрий Боровик.

Выработали и приняли клятву на верность Родине. Секретарем подпольной комсомольской организации был избран Борис Савицкий. Этот день на всю жизнь запомнился ребятам.

Расходились поздно вечером. Борис и Шура идут вдвоем. Справа —

железнодорожное полотно, слева — лесозащитная полоса.

— А помнишь, Боря, у Тараса Шевченко:

«Спокон вику Прометея

Там орэл карае...»

— Как же... За то, что людям отдал тепло и свет!..

ЗАКЛАДКА ТРЕТЬЯ

Первые шаги

Через день собрались снова на квартире сестер Титаренко. Обсуждали, как и с чего начать. Решено было взяться за выпуск листовок.

— Пусть люди узнают, что город не покорился, что Советская власть живет,— говорил Савицкий. Деловой тон его теперь уже воспринимался как приказ командира. Лица молодых подпольщиков становились серьезнее, сосредоточенней.

—Эмблемой листовок будет красная звездочка вверху,— развивал свой план Савицкий.— Девушки будут размножать листовки и распространять их. Вывешивать листовки не на частных домах, чтобы не подвергать людей опасности. Будем расклеивать на перекидном мосту, у водонапорной башни, где продают населению воду, на зданиях фашистской администрации. Отбор новых членов подполья я беру на себя.

Вспоминая то время, Александра Павловна Симонова (Шура Комаринская) рассказывает: «В тот же вечер принялись за дело. Как сейчас, помню, с какой старательностью и воодушевлением писали мы свою первую листовку. Начиналась она стихами:

Нашей земли необъятной Вражья коснулась нога... Будем громить беспощадно Темные силы врага!..

А ночью листовки были расклеены по городу. И первая из них — на здании биржи труда.

— Радость наша была беспредельной, когда мы на следующий день увидели, как посветлели лица людей, как в дикой злобе метались гестаповцы и

полицейские,— вспоминает Вера Георгиевна Богданова.

Первые листовки явились для горожан тем лучиком, который просверлил в шатре ночи дырочку и брызнул светом радости. Жители чаще стали выходить на улицы и собираться в людных местах, чтобы узнать правду о положении на фронтах.

Встал вопрос о приобретении пишущей машинки. Дмитрий Боровик берет на себя эту задачу. И пишущая машинка, выкраденная из конторы немецкой администрации локомотивного депо, начала работать на подполье. Теперь уже листовки содержали не только призывы мстить врагу, но и сообщения Советского Информбюро.

Неимоверно трудно было добывать сводки Совинформбюро, но ребята шли на риск—дерзкий, смелый. Во дворе Миши Боровика стояла немецкая автомашина — радиостанция. Пришлось до мелочей изучать расписание смены караула, повадки часовых у радиостанции, режим дня немецких солдат. Однажды стало ясно, что часовой убежден в отсутствии интереса к охраняемому «объекту» со стороны партизан. Немец, не дожидаясь, пока ему принесут еду, уходил обедать на кухню. А кухня находилась через пять дворов от дома Боровика.

Минуты ухода часового и были использованы. Митя ставил младшего брата Генку на воротах, Катю — около машины, а сам быстро включал радиостанцию, настраивался на Москву и записывал все сообщения. Так было всякий раз, когда часовой отлучался от машины.

Рукописное, а затем машинописное «издательство» подпольщиков размещалось в доме Титаренко. Расчет был прост: по соседству жили полицейские; могли ли они подумать, что «крамола» затаилась у них под боком.

От листовок, которые продолжали выходить все большим тиражом, организация перешла к более активным действиям: к устройству диверсий. Встречи подпольщиков к этому времени

были перенесены в сад Савицких, для чего там вырыли специальную траншею, замаскировали. Первое собрание на новой «квартире». В организацию принимаются новые члены: Анатолий Филатов, Дмитрий Хворостов, Эдуард Подсевный, Слава Лебедев, Василий Сакун, Дмитрий Холотянц, Ким Га-летин, Толя Растегаев. Принятым Савицкий вручает комсомольские значки, сохранившиеся у него — секретаря школьного комитета ВЛКСМ.

— Многие из вас помнят слова Великого Моурави - Георгия Саакадзе: «Одну стрелу легко сломить и двумя пальцами, а жгут стрел не осилишь и с помощью колена»,— обратился к новичкам Борис Савицкий.

В ответ тихо, как глубокая многоводная река, поплыла траншеей песня: «Мы, молодая гвардия рабочих и крестьян»...

ЗАКЛАДКА ЧЕТВЕРТАЯ

Таинственные ЧП

В октябре оккупанты уже почувствовали, что в городе действует организация. К этому времени было расклеено более тысячи листовок машинописных и написанных от руки. Участились случаи вывода из строя автомашин. Ребята прокалывали резину, засыпали в моторы песок... Донесения военной полиции и жандармерии запестрели «таинственными», «чрезвычайными происшествиями».

На судебном процессе в этом году бывший переводчик военной комендатуры, изменник Габ, показал, что осенью 1942 года на перегоне Дебри—Минеральные Воды кем-то был взорван воинский эшелон. Боеприпасы рвались всю ночь, а пламя озаряло полнеба. Диверсия была настолько велика, что расследованием ее занимались офицеры особой команды СД, прибывшие из Пятигорска.

У второго моста Георгиевского направления были развинчены рельсы и спущены под откос.

Потом город облетела весть, что на поворотном кругу депо завалился в яму паровоз. Эта новость воодушевила группу Савицкого. Собрав ребят, он сказал:

— Не наша это работа. Видно, кто-то еще действует!

Но вот арестованы рабочие депо коммунисты В. Г. Корнышин и И. А. Советов, и юным ленинцам стало все ясно...

— Ты, кажется, толк знаешь в паровозах? — спросил как-то Борис Дмитрия Холотьянца.

— Как же, за помощника машиниста ездил.

И вот в вечернюю смену Дмитрий, переодетый в засаленный ватник, своим человеком проходит в депо. А спустя некоторое время под покровом ночи уходит знакомыми перелазами. В депо переполох: на трех локомотивах разбиты манометры и водомерные трубки — три тяговых единицы выведены из строя.

Потом «по недосмотру» ремонтников в котлах появлялись течи. Не раз замерзались трубы водопровода, снабжавшего депо. Из кладовой депо исчезли сотни килограммов баббита. Появились случаи, когда эшелоны с техникой, войсками и снаряжением застревали в пути, образуя пробки на магистрали. В районе улицы Кривой оказался порубанным телефонный кабель, связывающий немецкие штабы.

Теперь уже юные подпольщики наверняка знали, что их почин был не последней искрой в костре всенародной борьбы.

ЗАКЛАДКА ПЯТАЯ

Особое задание

Отправляясь с поручением, ребята знали, что дело опасное, но не хотелось признавать суровую действительность. Мария Ильинична Овсянникова вспоминает:

—Идешь, бывало, на задание, улицы те же, свои, родные, и звезды голубеют, и Змейка приветливо смотрит

на город. И не верится, что чужеземцы рядом и поганят все это. Нет-нет, да и запоем на всю улицу какую-нибудь задорную...

А однажды чуть было не засыпались. Идем втроем: Славка и я с Катей. До заданного объекта еще далеко. Поем. Вдруг — полицай. Славка нам: «Бегите!» А сам — прямо на предателя Иванова. Мы — кто куда, а его схватил Иванов... Пороли Славку, а через три дня выпустили, улик не было: листовки были у меня и Кати, а он нес консервную банку с болтушкой, ну и успел швырнуть в кусты.

...Собравшись в траншее, ребята говорили кто о чем, смеялись. Савицкий вышел на середину:

— Вот что, девочки, послезавтра — 25 годовщина Октября. А где красные флаги? Мы советовались... Слава вызвался выполнить особое задание. Думаю, что такое поручение он заслужил...

Много потом пришлось поработать юным подпольщикам. Сначала решили было вывесить флаг на здании немецкой администрации. А в канун праздника изменили план.

7-го ноября в лучах восходящего солнца флаг реял на прожекторской вышке южного парка. Особое задание молодежного подполья Святослав Лебедев выполнил с честью.

ЗАКЛАДКА ШЕСТАЯ

Люцифер злобствует

Флаг на прожекторской вышке оказался «вершиной дерзости недозволенного». И оккупанты незамедлительно взялись за «решительные меры по искоренению партизан в городе».

Гестаповская тюрьма в городе вскоре переполнилась советскими патриотами. В фашистских застенках томились коммунисты — рабочие Минераловодского железнодорожного узла и депутаты горсовета П. П. Кукса, М. И. Захаров, И. А. Советов, В. Г. Корнышин, Г. Е. Гончаров, М. П. Овчаренко и другие.

Узниками были парашютисты из разведывательно-боевой группы «Мечь», рабочие депо — братья Иван Акимович и Виктор Акимович Чертковы, Александр Львович Галько и их товарищи.

Арестованных зверски пытали. Но они предпочли мученическую смерть, оставшись до последнего дыхания верными Родине.

На окраине города недалеко от поселка бутылочного завода есть страшное место — бывший противотанковый ров. Здесь расстреляны и зарыты тысячи детей, женщин и стариков. Среди них — все дети Кисловодского детского дома № 29.

Гестаповские ищейки вынюхивали каждый след молодежного подполья. Однажды Клара печатала листовки, а мать ее Мария Дмитриевна, наблюдая во дворе, увидела через приоткрытую дверь в квартире полиция Иванова, как жена предателя, приложив ухо к стенке, прислушивалась. Сообщили о случившемся Савицкому, и машинка была перенесена в другое место. Вскоре после этого дом Титаренко полиция взяла под наблюдение. Семья Титаренко вынуждена была укрыться на новой квартире.

Как-то вечером Борис Савицкий попался на глаза старосте Орешкову, и тот погрозил кулаком: «Я до тебя доберусь!»...

— С того времени,— вспоминает Борис Иванович Савицкий,— я уже не ночевал дома. А однажды мать сообщила: «Полиция приходила за тобой».

Потом еще раз Савицкий под покровом ночи пришел к себе во двор, приоткрыл осторожно дверь коридора и увидел храпевшего на полу полиция.

— Выхватил тесак,— говорит Борис Иванович,— но в самый последний миг опомнился: прикончить гадину немудрено, но в квартире — мать. А судьба организации?..

* * *

Над подпольщиками нависла угроза. Ребята сузили круг деятельности. Стали более осмотрительны. Приняли решение: Савицкий должен немедленно

покинуть город.

Получив адрес знакомых в Нальчике, Савицкий, Подсевный, Хворостов и Клара Титаренко ушли туда, чтобы попытаться перейти линию фронта или связаться с партизанами. Но однажды, уйдя из Нальчика в ночную разведку к линии фронта, ребята попали в облаву и были арестованы фашистами.

— Мчит грузовик, — вспоминает Савицкий. Полон кузов арестованных. По обочинам дороги — кустарник, а дальше черные копны мелкоколосья. Шепчу ребятам на ухо, и... выбрасываемся из кузова. Стрельба, крики, а мы уже в надежных объятиях ночи...

И снова ребята в родном городе. Только на этот раз Савицкому пришлось жить на Змейке. Связь с городом поддерживал через девчонок, приходивших «за чинариками».

А у немцев — новые хлопоты.

На хлебозаводе под носом у часового оказались перерезанными кабели связи.

Кто-то проник в квартиру лейтенанта Гельмута, переворошил бумаги и оставил на столе листовку с красной звездой.

Неизвестные побывали в автобудке радиостанции, после их визита аппаратуру нашли разбитой вдребезги.

ЗАКЛАДКА СЕДЬМАЯ

Только ли конспирация!..

Организация оставалась неуловимой. Хорошо продуманная конспирация выдержала испытание. Соблюдались скрытность и осторожность. Операции проводились мелкими группами — по два-три человека. Особенно дерзко использовали подпольщики минуты воздушных тревог, — когда фашисты разбегались по укрытиям. Правда, советские бомбы не различали, где свои, а где фашисты, но зато успех выполняемого задания был верным. Распоряжения обычно передавались «по цепочке». А собрания групп часто проводились там, где фашисты и подумать не могли, даже на кладбище среди крестов со свастикой...

А.П.Симонова (Комаринская) вспоминает: «Я знала, что листовки печатает член нашей организации, а кто именно — не знала».

К. Ф. Агалова (Титаренко) говорит, что она только печатала листовки, а кто расклеивал их, не знала.

— Был и такой случай,— припоминает Клара, — моей сестре Майе кто-то принес толовые шашки. А забирать их пришел Слава Лебедев. Кому передал шашки и для чего они предназначались, нам не сказали.

Зато сегодня мы знаем, что при взрыве эшелона с боеприпасами на перегоне Дебри—Минеральные Воды сработал именно этот тол и что операцию эту провели Дмитрий Хворостов и Слава Лебедев.

Тщательная конспирация спасла ребят от провала. Арест коммунистов железнодорожного узла Корнышина В. Г., Советова И. А. и других рабочих отвлек фашистских лазутчиков от молодежного подполья. Бессонные ночи матерей сестер Титаренко и Савицкого, охранявших и предупреждавших детей об опасности, тоже помогли подпольщикам выстоять в борьбе. Отец Дмитрия Хворостова, Семен Михайлович, не раз выполнял роль дозорного, когда его сыновья подолгу над чем-то «колдовали» в квартире.

Помогло и стремительное наступление советских войск кавказского фронта... А ведь в списках, захваченных при освобождении Минвод, среди других граждан, подлежащих аресту и расстрелу, значились имена всей семьи Титаренко, Савицких и некоторых других из молодежного подполья!

ЗАКЛАДКА ВОСЬМАЯ

Перекидной мост

Городские улицы в последние дни декабря 1942 года превратились в сплошное месиво. Гитлеровцы собирали свои тылы и поспешно грузили в эшелоны награбленное на Ставрополье добро. Удар советских войск под

Сталинградом аукнулся в Минводах. Оккупанты спешили, а дороги развезло, даже колеса подвод вязли в грязи по ступицы.

А тут еще участились бомбовые удары по станции, все явственнее начали прослушиваться раскаты артиллерийской канонады, перешедшего в наступление Северо-Кавказского фронта.

Бои уже шли в районе Георгиевска. Бросая имущество и снаряжение, фрицы поспешно драпали.

В северном парке Минводского узла сосредоточились десятки эшелонов с техникой, боеприпасами и награбленным добром. Фашисты намеревались вывести их в ночь на 11 января, а с уводом эшелонов разрушить подготовленный к взрыву мост, перекинутый через пути.

—Ребята, ЧП! — крикнул Слава Лебедев, свалившись в траншею.

Митя Хворостов и Ким Галетин зашикали на него:

— Если у тебя голова лишняя, то хоть наши побереги... Вон как лютуют фрицы, смазывая пятки, а тебя по городу носит нечистая.

— Да вы послушайте! — задыхаясь от бега и волнения, настаивал Слава. — Фрицы заминировали мост. Если не ночью, то завтра утром взорвут; сам видел, как подрывники тянули провода в направлении северного парка.

— Это, наверное, серьезно? — как бы у самого себя спросил Ким.

— Было бы здорово, если бы мы спасли мост, — с жаром заговорил Митя. — Вы представляете, что будет, если он обрушится на станционные пути?

— Мало нас — трое. Остальные ушли навстречу Красной Армии, — размышлял Митя. — А то установили бы круглосуточное дежурство в секретах, и как фрицы уберутся, разминировать мост или обрезать провода. Но что-то делать нужно!..

Завывает ветер, метет колючую поземку. Обильно выпавший накануне снег придавлен к земле жгучим морозом. Человеческие тени появляются и исчезают у развалин придеповских зданий: идет наблюдение

за удирающими гитлеровцами. Занялась заря. Вот уже снаряды и мины с воем и шипением проносятся над головой, рвутся у выходных стрелок. Наконец-то умчалась на север последняя дрезина с немцами.

Слава Лебедев и Ким Галетин осторожно идут от одной опоры моста к другой, перерубая тесаками электрические кабели.

Мост спасен!

ЗАКЛАДКА ДЕВЯТАЯ

Совет звезды

Как только пришла в город Красная Армия, многие ребята из организации «Юные ленинцы» надели солдатские шинели и ушли на фронт. Одни из них, завершив ратный путь, вернулись к мирному труду, другие — навечно остались на полях сражений.

Прошла четверть века. А память о делах комсомольцев-подпольщиков не меркнет, подобно тому, как свет погасшей звезды продолжает идти к нам на Землю еще целыми годами и десятилетиями.

И вот в годовщину Дня Советской Армии, по приглашению общественности, в Минводы съехалось большинство «Юных ленинцев», оставшихся в живых. Радостно было видеть эту горячую и душевную встречу. Ведь многие не виделись более двух десятков лет!

— Помнишь, Шура?!..

— А ты Расскажи, Боря!..

— Не забыл, Вася, как тогда мы...

Да, такими они были в сорок втором, эти Шуры и Васи в свои 15—17 лет: не избранные и не какие-то там герои, а рядовые дети Отчизны.

— Радость наша, — говорил на встрече Борис Иванович, — навевает и грустные раздумья. Вспоминая друзей по подполью, мы с болью в сердце скорбим о тех, кого нет

сегодня среди нас. Наш боевой товарищ, активный член организации Дмитрий Хворостов, вступив в Красную Армию, храбро сражался против врага и геройски погиб под Кенигсбергом. Пал смертью

храбрых любимец подпольщиков бесстрашный Слава Лебедев. Отдали свои жизни за Родину Толя Растегаев и Ким Галетин, нет с нами Мити Хворостова...

И вспомнили друзья лето сорок второго, свою клятву.

— На Змейку! — предложил Борис Иванович.

Вершина горы. Теплый ветер ласкает лица. «Юные ленинцы», взявшись за руки, поют: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо...»

* * *

Большинство из членов молодежного подполья стало бойцами ленинской партии: Борис Иванович Савицкий, инженер Ленинградского отделения художественного фонда; Александра Павловна Симонова (Шура Комаринская) — преподаватель английского языка в г. Зеленограде; Мария Ильинична Загреба (Овсянникова) — преподаватель языка и литературы в родной школе; Вера Георгиевна Богданова — бухгалтер.

В передовых рядах тружеников идут Майя Федоровна Титаренко — электромеханик узла связи и ее сестра Клара Федоровна Агалова (Титаренко) — работница ковровой фабрики; Дмитрий Григорьевич Холостьянц — электрослесарь локомотивного депо, член КПСС.

В созвездии великих подвигов советского народа времен Великой Отечественной войны горит и никогда не погаснет звездочка подвига минераловодских «Юных ленинцев». Это о них поэт говорит:

И листовки

с почерком неровным,

С лучезарной

звездочкой вверху

Были частью

власти той верховной,

Что писала приговор врагу...